

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.18101/1994-0866-2026-2-79-92

Философские подходы к интерпретации образа женщины в общественном сознании

© Дроздова Анна Антоновна

аспирант кафедры гуманитарных наук,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, 49/2

adrozdonet@mail.ru

Аннотация. Образ женщины исторически функционировал не только как культурное или гендерное представление, но и как символическая форма, посредством которой общества выражают свое понимание человеческой природы, моральных ценностей и социального порядка. В социальной философии такие символические образы тесно связаны со структурой общественного сознания и отражают более широкие трансформации в антропологических и нормативных моделях человеческой сущности.

Исследование основано на историко-философском анализе и сравнительном изучении философских и социально-теоретических текстов. Классические работы по философии (Аристотель, Кант), социальной теории (Дюркгейм, Вебер) и современные социально-философские подходы (Бурдьё, Фуко, Хабермас) анализируются вместе с современными исследованиями в области гендерной и культурной теории.

В исследовании выявлено несколько основных философских подходов к интерпретации образа женщины, включая антропологическую, этическую, социально-философскую и власто-ориентированную перспективы. Эти подходы демонстрируют, что представления о женщинах функционируют как символические структуры, посредством которых общества выражают доминирующие ценности, моральные идеалы и социальные ожидания.

Сравнительный анализ данных подходов показывает, что образ женщины одновременно выполняет множество функций: отражает доминирующие представления о человеческой природе, воплощает моральные установки и участвует в воспроизводстве социальных норм и символических иерархий. Таким образом, трансформацию образа женщины следует понимать как отражение более глубоких изменений в общественном сознании и в механизмах, посредством которых общества конструируют модели человеческой идентичности и социального порядка.

Ключевые слова: образ женщины, общественное сознание, социальная философия, философская антропология, символические представления, социальные нормы, символическая власть, субъектность, нормализация, дискурсивные практики.

Для цитирования

Дроздова А. А. Философские подходы к интерпретации образа женщины в общественном сознании // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 2. С. 79–92.

Введение

В философской мысли образы женщин исторически функционировали не только в плане социальных ролей. Они служили символическими формами, посредством которых общества выражали свое понимание человека, морального порядка и социальной организации. Образ женщины часто концентрирует в себе фундаментальные антропологические представления о человеческой природе, ответственности, автономии и социальном участии. Благодаря этой символической насыщенности трансформации образа женщины часто выявляют более глубокие изменения в общественном сознании и философской интерпретации человеческого существования.

Актуальность этой темы связана с растущим интересом к механизмам, посредством которых общества конструируют символические модели человека. В социальной философии общественное сознание понимается как система ценностей, норм и символических представлений, формирующих коллективные интерпретации реальности [8; 12]. В рамках этой системы определенные образы приобретают особое значение, поскольку они концентрируют культурные ожидания и моральные ориентиры. Образ женщины — одно из таких представлений. На протяжении исторических эпох он выступал посредником между биологическим воплощением и моральной оценкой, между частной жизнью и общественным участием, а также между зависимостью и автономией.

Многие философские традиции определяли значение женственности и социальный статус женщин. В классической философии Аристотель интегрировал гендерные различия в более широкую телеологическую концепцию природы и социальной иерархии [3]. Современная философия переосмыслила эти различия через язык рациональной автономии и морального долга [13]. В XX в. социальная теория начала анализировать символические представления как механизмы, посредством которых общества воспроизводят нормы и властные отношения [6; 18]. Современная феминистская философия и социальная теория развили эти перспективы, исследуя, каким образом культурные образы влияют на признание женщин как социальных и политических субъектов [21; 22].

Несмотря на разнообразие подходов, философская интерпретация образа женщины остается недостаточно систематизированной в социально-философских исследованиях. Большинство исследований сосредоточено либо на исторических представлениях о женщинах, либо на конкретных феминистских теориях, в то время как более широкие философские рамки, интерпретирующие символическую функцию этого образа, редко анализируются в сравнительном плане.

Цель данной статьи — изучить основные философские подходы к интерпретации образа женщины в общественном сознании. Для достижения этой цели в исследовании преследуются несколько исследовательских задач:

- уточнить социально-философскую концепцию образа и его роль в структуре общественного сознания;
- проанализировать антропологические, этические, социально-философские и власто-ориентированные интерпретации образа женщины в философской мысли;

- изучить социально-философские теории, интерпретирующие символические представления как механизмы социального воспроизводства и регулирования.

Решая эти задачи, автор стремится показать, что образ женщины функционирует не только как культурное представление, но и как философская категория, отражающая более широкие трансформации в самопонимании человека и социальном порядке.

Методы

Методологической основой исследования является социально-философский анализ символических представлений в структуре общественного сознания.

Эмпирический материал исследования состоит преимущественно из классических философских текстов и работ по социальной теории, рассматривающих взаимосвязь между символическими представлениями и социальными структурами. Анализ включает тексты из классической философии (Аристотель, Платон), современной философии (Кант, Руссо, Гегель) и социально-философской мысли XX в. (Арендт, Фромм). Кроме того, исследование опирается на теоретические рамки, разработанные в социальной теории и культурном анализе, в частности, на концепции коллективных представлений (Дюркгейм), ценностно-ориентированного социального действия (Вебер), символической власти (Бурдьё) и дискурсивного формирования и нормализации (Фуко).

Методологическая основа также опирается на современные исследования в области феминистской философии и гендерной теории, которые подчеркивают роль символических представлений в формировании социальных идентичностей и структур признания (Фрикер, Гилл). Однако настоящее исследование рассматривает эти вопросы с точки зрения социальной философии, фокусируясь не столько на самих гендерных отношениях, сколько на более широких философских механизмах, посредством которых общества конструируют модели человеческого существа.

В методологическом плане исследование сочетает в себе несколько взаимодополняющих подходов. Во-первых, историко-философский метод используется для анализа того, как философские традиции концептуализируют женственность в рамках более широких моделей человеческой природы. Во-вторых, сравнительный философский анализ позволяет выявить сходства и различия между антропологическими, этическими, социально-философскими и власто-ориентированными интерпретациями образа женщины. В-третьих, элементы дискурсивного анализа применяются для изучения того, как символические представления циркулируют в общественном сознании и способствуют формированию нормативных ожиданий.

Таким образом, исследование рассматривает образ женщины как социально-философскую категорию, функционирующую на стыке антропологии, этики и социальной теории. В ходе исследования, основанного на анализе философских текстов и теоретических концепций, ставится задача выявить концептуальные структуры, посредством которых образы женщин закрепляются в общественном сознании и влияют на интерпретацию человеческой идентичности и социального порядка.

Результаты

Антропологический подход интерпретирует образ женщины как часть более широких философских моделей человеческого существа. В рамках этой модели представления о женщинах анализируются не как изолированные культурные конструкции, а как элементы, встроенные в философские концепции человеческой природы, социального порядка и морали. Образ становится понятным только в связи с доминирующим пониманием того, что составляет человеческую природу.

В классической философии антропологические иерархии играли центральную роль в формировании представлений о гендере. «Политика» Аристотеля интегрирует различие между мужским и женским началом в телеологическую концепцию природы, в которой рациональное мышление и авторитет распределены неравномерно [3]. Согласно Аристотелю, мужское начало воплощает рациональность и политический авторитет, в то время как женское начало связано со сферой воспроизводства и ведения домашнего хозяйства. Хотя эта модель исторически обусловлена, она демонстрирует, как образ женщины может функционировать в роли структурного компонента философской антропологии, отражая более широкое иерархическое понимание человеческой природы и социальной организации.

Платон предлагает несколько иную перспективу. В «Республике» он утверждает, что женщины способны участвовать в классе стражей, если обладают необходимыми интеллектуальными и моральными качествами [14]. Хотя Платон по-прежнему признает биологические различия, его аргументация предполагает, что философская оценка женщин должна основываться на тех же критериях, что и оценка мужчин, а именно на рациональной способности и моральной добродетели. Данная позиция позволяет выдвинуть идею о том, что образ женщины может интерпретироваться не только через биологические или социальные роли, но и через философские концепции человеческого потенциала.

При переходе к философии Нового времени меняется и само понимание человека. У Иммануила Канта человек определяется прежде всего как рациональный и автономный субъект, способный к самозакону и моральному выбору [13]. При этом его представления о гендере, безусловно, формировались в рамках культурных и социальных установок его эпохи. Тем не менее кантовская этика закрепляет идею рациональной автономии как основного критерия человеческого достоинства. В этой перспективе включение женщины в сферу рациональной деятельности приобретает уже не просто социальное, а принципиально философское значение, поскольку связано с переосмыслением самой структуры человеческой субъектности.

Жан-Жак Руссо предлагает иную интерпретацию соотношения мужского и женского начала. В «Эмиле» он исходит из идеи их взаимодополняемости, однако при этом подчеркивает, что образование женщин должно быть ориентировано на поддержку нравственного развития мужчин [15]. Тем самым, несмотря на признание моральной значимости женщины, Руссо закрепляет различие между сферами их деятельности. В его концепции общественная и политическая жизнь остается преимущественно мужской, тогда как женщина наделяется функцией

морального влияния в частной, семейной сфере. Таким образом, образ женщины ассоциируется с реляционными и эмоциональными способностями, поддерживающими социальную гармонию.

В философии XIX в. Георг Вильгельм Фридрих Гегель интегрирует гендерные различия в систематическую модель этической жизни. В «Философии права» Гегель помещает женщин прежде всего в сферу семьи, которую он интерпретирует как область частностей и эмоционального единства [9]. Общественная сфера гражданского общества и государства ассоциируется с универсальной рациональностью и политическим участием. Хотя эта модель усиливает гендерное разделение сфер, она также показывает, как образ женщины внедряется в философские интерпретации социальных институтов.

Философская антропология XX в. еще больше расширяет это обсуждение. Ханна Арендт выделяет труд, работу и действие как фундаментальные изменения человеческого существования [1]. В рамках этой концепции растущая видимость женщин в сфере общественной деятельности сигнализирует о трансформации в понимании субъектности и политического участия. Таким образом, образ женщины становится индикатором меняющихся представлений о субъективности.

Аналогично гуманистическая философия Эриха Фромма интерпретирует человеческое существование через понятия свободы, подлинности и продуктивной ориентации [17]. Фромм утверждает, что социальные системы культивируют определенные структуры характера, соответствующие доминирующим экономическим и культурным моделям. В этом контексте образ женщины отражает более широкие антропологические ориентации в обществе: ценится ли конформизм или автономия, поощряется ли эмоциональная зависимость или творческая деятельность.

Так, антропологический подход демонстрирует, что представления о женщинах не отделимы от более широких философских моделей человеческого бытия. Образ женщины функционирует как символический индикатор того, как общества определяют рациональность, автономию, моральную ответственность и участие в общественной жизни. Таким образом, трансформации в образе женщины выявляют более глубокие сдвиги в философской антропологии и в том, как общества интерпретируют человеческую природу.

Этический подход. В то время как антропологический подход помещает образ женщины в контекст философских моделей человеческой природы, этический подход исследует ее функцию как носителя морального смысла. В этой перспективе образ женщины становится символическим представлением добродетелей, обязанностей и нормативных ожиданий, формирующих моральное самопонимание общества. Посредством таких представлений общества формулируют свои идеалы морального поведения и качества, связанные с «добродетельной» человеческой жизнью.

В классической моральной философии этические интерпретации женственности часто связывались с добродетелями, относящимися к гармонии, умеренности и моральному влиянию. Этическая теория Аристотеля подчеркивала роль добродетелей, культивируемых посредством привычки и социальной практики [2].

В рамках этой концепции женщины традиционно ассоциировались с домашними добродетелями, такими как забота, верность и моральная стабильность в семье. Хотя эти интерпретации отражали иерархическую структуру древнего общества, они иллюстрируют, как этический дискурс включал символические представления о женственности в более широкие моральные рамки.

В современной философии моральная теория Иммануила Канта ввела универсалистское понимание этики, основанное на рациональной автономии и категорическом императиве [13]. Система этики Канта установила принцип, согласно которому каждое разумное существо обладает внутренней моральной ценностью. Хотя собственные размышления Канта о гендере оставались под влиянием современных ему культурных норм, философская логика его этики подразумевала возможность признания женщин моральными субъектами, равными мужчинам. Таким образом, трансформация образа женщины в современности может быть интерпретирована как постепенное расширение моральной универсальности.

В русской религиозной философии осмысление женского начала приобретает выраженное метафизическое содержание. Так, Владимир Соловьёв в своих размышлениях о любви подчеркивает идею духовного единства людей и особую значимость межличностных отношений [16]. В его концепции женское начало связывается с представлением о целостности и примирении, выступая как образ этической интеграции человечества. В этом контексте образ женщины выходит за пределы социальной функции и приобретает значение символа моральной гармонии.

Сергей Булгаков развивает эту линию, связывая женское начало с идеями творчества и духовного преображения мира [7]. В его интерпретации оно выступает как особое измерение морального творчества, через которое осуществляется обновление и развитие бытия. Несмотря на то, что эти идеи выражены в теологической форме, они позволяют увидеть, каким образом в философской традиции женщина осмысливается как источник этического смысла, а не только как носитель социальной функции.

Николай Бердяев рассматривает данную проблему с экзистенциальных позиций. Размышляя о свободе и личности, он подчеркивает, что сведение женщины к сугубо функциональным социальным ролям приводит к искажению человеческого достоинства [5]. В его понимании построение подлинно гуманистического этического порядка невозможно без признания женщины как самостоятельной творческой и духовной личности. Таким образом, этическое осмысление образа женщины у Бердяева напрямую связано с проблемами свободы, творчества и признания индивидуальной субъектности.

В феминистской философии XX в. Симона де Бовуар предложила одну из наиболее влиятельных интерпретаций этического смысла женственности. В книге «Второй пол» она показала, что традиционные образы женщин формируются исторически и нередко служат инструментом ограничения женской субъектности [4]. Де Бовуар настаивала на том, что женщину нельзя рассматривать как заранее заданный моральный тип; напротив, она должна пониматься как

автономный субъект, способный самостоятельно конструировать свое существование. Тем самым ее работа обозначила важный поворот в этической мысли — от закрепленных символических моделей к признанию женщины как самостоятельного морального агента.

Современная феминистская этика развивает эти идеи, смещая акцент на такие аспекты, как забота, взаимоотношения и ответственность. В работах Кэрол Гиллиган эти характеристики рассматриваются как важные элементы морального опыта, а не как признаки слабости или зависимости [10]. Напротив, они позволяют по-новому взглянуть на моральное рассуждение и раскрывают альтернативные подходы к пониманию справедливости и человеческих отношений.

В совокупности эти перспективы показывают, что образ женщины занимает важное место в этическом самопонимании общества. Через него выражаются моральные идеалы, закрепляются представления о добродетели и формируются ожидания относительно поведения. Поэтому изменения в этих образах можно рассматривать как проявление более глубоких сдвигов в моральной философии и системе социальных ценностей.

Социально-философский подход. Если антропологический подход сосредоточен на философских представлениях о человеческой природе, а этический — на моральном значении женственности, то социально-философский подход позволяет рассматривать образ женщины как один из механизмов воспроизводства социальных структур и культурных норм. В этой перспективе символические представления выступают не просто отражением ценностей, а активными элементами, участвующими в организации социальной жизни и формировании устойчивых моделей поведения.

Теоретической основой такого подхода служит концепция коллективных представлений, разработанная Эмилем Дюркгеймом. Он рассматривал их как выражение морального и символического единства общества, а также как механизм, обеспечивающий устойчивость социальных норм [12]. Коллективные представления задают общие смысловые рамки, в которых индивиды осмысливают социальные роли и собственную идентичность. В этом контексте образ женщины выступает как одна из ключевых символических форм, через которые общество формирует ожидания, связанные с семьей, моралью и социальной ответственностью.

Теория социального действия Макса Вебера добавляет дополнительное измерение к этому анализу. Вебер утверждал, что социальный порядок поддерживается не только посредством институтов, но и посредством ценностно-ориентированных действий, руководствующихся общими культурными смыслами [8]. Таким образом, символические представления играют важную роль в легитимизации социальных ролей и моделей поведения. Образ женщины может служить таким легитимирующим ориентиром: в сочетании с домашним бытом, эмоциональной заботой или социальной ответственностью он поддерживает определенные разделения труда и нормативные ожидания.

Пьер Бурдьё расширил социально-философский анализ символических структур посредством концепции символической власти. В работе «Мужское

господство» Бурдье демонстрирует, как культурные классификации интернализируются через габитус и воспринимаются как естественные, а не исторически сконструированные [6]. В этом смысле представления о женственности способствуют воспроизводству социальных иерархий, формируя представления о легитимности и нормальности. Образ женщины внедряется в повседневные практики и ожидания, влияя на то, как люди интерпретируют социальные роли и властные отношения.

Юрген Хабермас предложил коммуникативную перспективу, которая подчеркивает роль публичного дискурса в формировании социальных норм. По мнению Хабермаса, социальная интеграция зависит от общих интерпретационных рамок, которые формируются в ходе коммуникативных процессов в публичной сфере [20]. Символические образы, циркулирующие в культурном и политическом дискурсе, способствуют формированию коллективного консенсуса в отношении социальных ценностей и идентичностей. Таким образом, образ женщины становится частью более широкого коммуникативного процесса, посредством которого общества согласовывают свои нормативные структуры.

Современная социальная теория продолжает исследовать, как символические представления влияют на общественное сознание. Ученые в области культурологии и теории массовых коммуникаций показали, что представления о женщинах в литературе, СМИ и публичном дискурсе часто отражают более широкие социальные преобразования, включая изменения в семейных структурах, трудовых отношениях и политическом участии [22; 23]. Эти исследования подчеркивают, что символические образы не просто отражают социальную реальность; они активно участвуют в формировании социальных ожиданий и идентичностей.

Таким образом, социально-философский подход показывает, что образ женщины функционирует как структурный элемент в процессе воспроизводства общества. Посредством символического посредничества он способствует формированию нормативных ожиданий, легитимизирует социальные роли и отражает более широкие трансформации в социальной организации. Трансформация этого образа, следовательно, дает важное представление о динамике общественного сознания и механизмах, посредством которых общества конструируют модели человеческой идентичности.

Власто-ориентированный подход. Помимо антропологических, этических и социально-философских интерпретаций образ женщины можно анализировать также с точки зрения власти, нормализации и дисциплинарных практик. В рамках этой концепции символические представления понимаются не просто как отражение социальных ценностей, но и как механизмы, участвующие в регулировании поведения и формировании субъективности. В данном исследовании используется термин «власто-ориентированный подход», под которым понимается анализ символических представлений через призму категорий власти, нормализации и формирования субъективности, разработанных в теориях М. Фуко [18].

Анализ современных властных отношений, проведенный Мишелем Фуко, обеспечивает важную теоретическую основу для этой перспективы. В работе

«Надзирать и наказывать» Фуко утверждает, что современные общества осуществляют власть не столько посредством открытого принуждения, сколько через системы надзора, нормализации и дисциплины [18]. Эти механизмы порождают то, что он называет «покорными телами», — индивидов, которые усваивают социальные нормы и регулируют свое поведение соответствующим образом. Символические представления играют значительную роль в этом процессе, поскольку они определяют стандарты нормальности и легитимности.

В своей работе «История сексуальности» Фуко далее демонстрирует, как дискурсы о сексуальности и гендере способствуют формированию социальных идентичностей [19]. Вместо простого описания реальности такие дискурсы активно конструируют категории субъективности. Таким образом, образ женщины становится частью более широкого дискурсивного поля, в котором формируются и регулируются представления о женственности, сексуальности и социальных ролях. Через образование, медицину, медийный дискурс и правовые институты определенные представления о женственности нормализуются, а другие маргинализируются.

Концепция символической власти Пьера Бурдьё дополняет анализ Фуко, объясняя, как системы классификации интернализируются в процессе социализации. По мнению Бурдьё, символическая власть действует через габитус — структуры восприятия, которые формируют то, как индивиды интерпретируют социальную реальность [6]. Представления о женственности оказываются встроенными в эти структуры, вследствие чего определенные социальные роли начинают восприниматься как естественные и само собой разумеющиеся. В результате образ женщины способствует воспроизводству гендерных ожиданий, действуя не через прямое принуждение, а через их внутреннее принятие индивидами.

Современные феминистские исследования расширяют данный подход, анализируя, как культурные и медийные представления влияют на восприятие женственности. Так, Розалинд Гилл отмечает, что современный медиадискурс часто строится на сочетании противоречивых нарративов — с одной стороны, он декларирует расширение возможностей для женщин, а с другой — воспроизводит нормативные модели поведения [22]. Подобные образы одновременно продвигают идею личной независимости и закрепляют ожидания, касающиеся внешнего облика, эмоциональных реакций и социальных ролей. Это указывает на двойственную природу символических конструкций: участвуя в воспроизводстве норм, они вместе с тем могут служить пространством для их критического переосмысления.

Важно отметить, что апелляция к власти и нормализации не сводит символические образы к простым инструментам господства. Существовая внутри дискурса, они по определению остаются уязвимыми для критики и способны меняться. Культурные и философские споры раз за разом ставят под сомнение привычные образы и предлагают иные прочтения, а значит, расширяют само поле, в котором складывается социальная идентичность.

Анализ через призму власти и нормализации помогает разобраться в том, как образ женщины конструируется в общественном сознании. В этой логике образ

перестает быть простым зеркалом ценностей и моральных установок, он сам становится механизмом, формирующим социальные нормы и регулирующим субъективность. Отсюда следует, что трансформации этого образа можно считать симптомом более глубоких сдвигов в том, как власть функционирует в обществе.

Обсуждение

Обращение к различным философским подходам показывает, что образ женщины выполняет в общественном сознании целый ряд взаимосвязанных функций. При всем разнообразии философских традиций между их интерпретациями прослеживается нечто общее: этот образ неизменно оказывается точкой пересечения философской антропологии, моральных ценностей и логики социального порядка.

Антропологический подход выявляет тесную связь между образом женщины и более широкими философскими представлениями о природе человека. И классики, и современные мыслители помещают женственность в контекст таких категорий, как рациональность, автономия и участие в общественной жизни. У Аристотеля, Канта и Арндт это особенно очевидно: символическое место женщины в философском дискурсе каждый раз воспроизводит господствующую модель человеческой субъектности. Отсюда следует, что трансформации этих представлений — не просто смена взглядов на женщину, а свидетельство более глубоких сдвигов в философской антропологии и в самом понимании того, кто считается полноценным субъектом.

Этический подход позволяет раскрыть моральное измерение подобных представлений. В различных философских традициях образ женщины нередко связывался с определенными добродетелями и нравственными качествами, тем самым включаясь в более широкие системы этического осмысления. Начиная с аристотелевской этики добродетели и заканчивая кантовским моральным универсализмом, а также в рамках русской религиозной философии образ женщины выступает носителем нормативных идеалов. Как отмечали Соловьёв, Булгаков и Бердяев, он может функционировать не только как социальный субъект, но и как символ моральной гармонии, свободы и духовного творчества.

В то же время социально-философский подход позволяет увидеть, как символические представления тесно связаны с воспроизводством социальных структур. В концепции коллективных представлений Дюркгейма показано, что общие символические формы играют ключевую роль в стабилизации социального смысла. Теория социального действия Вебера, в свою очередь, подчеркивает их значение в легитимизации моделей поведения. Анализ символической власти Пьера Бурдьё дополняет эту перспективу, показывая, каким образом представления интернализируются через габитус и способствуют воспроизводству социальных иерархий. В рамках данного подхода образ женщины выступает элементом символического порядка, формирующим ожидания и закрепляющим определенные социальные роли.

Еще одно измерение открывается, если обратиться к проблематике власти и нормализации — речь идет о регулирующей функции символических образов.

Фуко показал, что в современных обществах нормы не задаются сверху, а складываются через сложную систему отношений между знанием и властью. В этой логике представления о женственности встраиваются в дискурсивные практики, очерчивая границы «нормального» и участвуя в формировании субъективности. Культурологические исследования развивают эту мысль: подобные образы активно циркулируют в медиа и публичном пространстве, где они могут как закреплять господствующие нормы, так и ставить их под сомнение.

Сопоставление рассмотренных подходов подводит к важному выводу: образ женщины не укладывается ни в рамки культурного стереотипа, ни в категорию идеологического конструкта. Это многослойная символическая структура, в которой антропологические, этические и социально-регуляторные смыслы не просто соседствуют, а взаимно обуславливают друг друга. Именно эта сложность определяет его философский вес. Через подобные образы общество осмысляет природу человека, выстраивает систему моральных координат и регулирует отношения между людьми.

Трансформация образа женщины, таким образом, указывает на более глубокие сдвиги в общественном сознании. Отслеживая эволюцию символических представлений, можно увидеть, как меняются философско-антропологические установки, моральные ценности и конфигурации социальной власти. В этом смысле образ женщины работает как чуткий индикатор: он фиксирует культурные и философские преобразования раньше, чем они становятся очевидными в других сферах.

Вывод

В центре данного исследования находятся ключевые философские подходы к осмыслению образа женщины в общественном сознании. Анализ показывает: представления о женщинах не исчерпываются культурными стереотипами или набором социальных ролей. Это сложные символические конструкции, через которые общество артикулирует свои взгляды на природу человека, моральные ценности и устройство социального порядка.

Антропологический подход показал, что женские образы не отделены от более широких философских представлений о человеке и именно через них можно проследить, как исторически менялись модели субъектности. Этический подход выявляет роль образа женщины как носителя моральных смыслов, через которые выражаются доминирующие добродетели и нормативные идеалы различных философских традиций. Социально-философский подход демонстрирует, что символические представления участвуют в воспроизводстве социальных структур, формируя ожидания и легитимизируя определенные социальные роли. В свою очередь, власто-ориентированный подход позволяет увидеть, что образы женственности включены в дисциплинарные и дискурсивные механизмы, регулирующие субъективность и задающие границы допустимого поведения.

В совокупности эти подходы позволяют рассматривать образ женщины как многомерную социально-философскую категорию, функционирующую одновременно на антропологическом, этическом, социальном и власто-ориентированном

уровнях. Его трансформация отражает более глубокие изменения в общественном сознании и в философском понимании человека. В связи с этим анализ символических представлений о женщинах помогает лучше понять механизмы, посредством которых общества формируют модели идентичности, морали и социального порядка.

Дальнейшие исследования могут расширить данный анализ, обратившись к исторической эволюции конкретных символических образов женщин в культурном дискурсе, включая литературу, медиа и политические нарративы. Такой подход позволит более глубоко понять, каким образом символические представления трансформируются под воздействием широких социальных и культурных процессов, особенно в условиях цифровой коммуникации и формирования информационного общества.

Литература

1. Арендт Х. Состояние человека : перевод с английского. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 411 с.
2. Аристотель. Никомахова этика : перевод с древнегреческого. Москва : Мысль, 1983. 830 с.
3. Аристотель. Политика : перевод с древнегреческого. Москва : Мысль, 1983. 268 с.
4. Бовуар С. де. Второй пол : перевод с французского. Москва : Азбука-Аттикус, 2017. 928 с.
5. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. Москва : Республика, 1995. 480 с.
6. Бурдьё П. Мужское господство : перевод с французского. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. 364 с.
7. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Москва : Республика, 1993. 608 с.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : перевод с немецкого. Москва : Издательский дом ВШЭ, 2016. 445 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права : перевод с немецкого. Москва : Мысль, 1990. 524 с.
10. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины : перевод с английского. Москва : РОССПЭН, 2003. 240 с.
11. Дюркгейм Э. Правила социологического метода : перевод с французского. Москва : Канон-Пресс, 1995. 352 с.
12. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни : перевод с французского. Москва : Канон-Пресс, 1998. 432 с.
13. Кант И. Основы метафизики нравов : перевод с немецкого. Москва : Мысль, 1999. 1471 с.
14. Платон. Государство : перевод с древнегреческого. Москва : Мысль, 1994. 342 с.
15. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании : перевод с французского. Москва : Педагогика, 1981. 656 с.
16. Соловьёв В. С. Смысл любви // Сочинения : в 2 томах. Москва : Мысль, 1988. 822 с.
17. Фромм Э. Человек для себя : перевод с английского. Москва : АСТ, 2004. 320 с.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы : перевод с французского. Москва : Ad Marginem, 1999. 350 с. 480 с.

19. Фуко М. История сексуальности. Т. 1: Воля к знанию : перевод с французского. Москва : Академический проект, 2004. 350 с.

20. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия : перевод с немецкого. Москва : Весь Мир, 2011.

21. Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press, 2007, 178 p.

22. Gill R. *Gender and the Media*. Cambridge. Polity Press, 2007. 296 p.

23. McRobbie A. *The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change*. London, Sage Publications, 2009. 192 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 04.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

Philosophical Approaches to Interpreting the Image of Women in Public Consciousness

Anna A. Drozdova

Research Assistant,

Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Prospect, Moscow 125167, Russia

adrozdonet@mail.ru

Abstract. The image of women has historically functioned not only as a cultural or gender representation, but also as a symbolic form through which societies express their understanding of human nature, moral values, and social order. In social philosophy such symbolic images are closely connected to the structure of public consciousness and reflect broader transformations in anthropological and normative models of human existence.

The study is based on historical-philosophical analysis and a comparative examination of philosophical and socio-theoretical texts. We have analyzed classical works in philosophy (Aristotle, Kant), social theory (Durkheim, Weber), and contemporary socio-philosophical approaches (Bourdieu, Foucault, Habermas) in conjunction with current research in gender and cultural theory.

The research has identified several foundational philosophical approaches to interpreting the image of women, including anthropological, ethical, socio-philosophical, and power-oriented ones. These approaches demonstrate that representations of women function as symbolic structures through which societies express dominant values, moral ideals, and social expectations.

A comparative analysis of these approaches has revealed that the image of women simultaneously serves multiple functions: it reflects dominant conceptions of human nature, embodies moral attitudes, and participates in the reproduction of social norms and symbolic hierarchies. Thus, the transformation of the image of women should be understood as a reflection of deeper shifts within the public consciousness and the mechanisms through which societies construct models of human identity and social order.

Keywords: image of women, public consciousness, social philosophy, philosophical anthropology, symbolic representations, social norms, symbolic power, subjectivity,

normalization, discursive practices.

For citation

Drozdova A. A. Philosophical approaches to interpreting the image of women in public consciousness. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. 2026; 2: 79–92 (In Russ.).

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 04.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.